

223143

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805 — 1940

Н.А.БОБРИНСКОЙ
Н.А.ЗАРУДНЫЙ
1859 — 1919

МОСКВА • 1940

Цена 8 руб.

Publishing Group

Bern · Berlin · Bruxelles · Frankfurt am Main · New

V.N. Karazin Kharkiv National University

01297318

3

91(0092)

59(01)

Д.О. Н. 4 Запрудни

С. 82

МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ

1805 — 1940

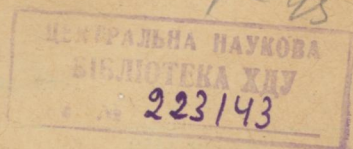
Н. А. БОБРИНСКОЙ

Николай Алексеевич
ЗРУДНЫЙ

ЗООЛОГ И ПУТЕШЕСТВЕННИК

(1859 — 1919)

С приложением статьи А. П. Семенова-Тян-Шанского
„Памяти Н. А. Зарудного“

58

64

МОСКВА — 1940

Напечатано по постановлению
Совета Московского общества испытателей природы

Президент акад. Н. Д. Зелинский
Вице-президент проф. Л. И. Курсанов
Ученый секретарь С. Ю. Липшиц

Редактор С. Ю. Липшиц

Техн. редактор С. Г. Вышнепольский
Корректор Р. С. Капелевич

Л11502

Тираж 1150.

Заказ 4419

Сдано в производство 2/XI 1940 г.

Подписано к печати 30/XII—40 г.

Печ. л. 4,5

Авт. л. 7,0

Бум. 70 × 108

Тип. Управления Делами СНК СССР, Москва, Ветошный пер., 2.

Серия историческая
№ 13

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ
К 135-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА
ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ
1805 — 1940

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к выполнению поручения Московского общества испытателей природы — к составлению биографии Н. А. Зарудного, я, естественно, прежде всего постарался собрать различного рода биографические данные от лиц, близко знавших покойного. Но в результате всех моих стараний я мог получить только крайне интересную статью А. П. Семенова-Тянь-Шанского «Памяти Н. А. Зарудного», которая печатается ниже, да ряд ценных сведений и фотографий от вдовы Н. А. — Веры Александровны Зарудной.

Лично я видел Н. А. только раз в жизни, и было это давно — 26 лет тому назад, когда я проезжал через Ташкент в Бухару. И собственно говоря, у меня осталось только одно воспоминание о нем — это его сердечный прием и горячее желание всячески помочь мне, только что окончившему студенту, в моей предстоящей поездке в «Горную Бухару».

Зато, приехав в Ташкент в 1920 г., ровно через год после его кончины, я застал свежую память о Н. А., работал в организованном им зоологическом отделе «Туркестанского» музея, перебирал его огромные орнитологические коллекции, знакомился с теми немногими рукописями, которые остались в Ташкенте после его смерти, расспрашивал знакомых и т. д., и у меня создалось определенное представление об этом самобытном и во многих отношениях замечательном человеке, которое я и стараюсь передать в своем очерке.

Может быть, этот очерк заинтересует более широкие круги крупным исследователем, известным до сих пор главным образом специалистам, может быть побудит лиц, знавших Зарудного, сообщить данные о нем¹, может быть обратит внимание на необходимость опубликовать до сих пор неизданные работы его².

¹ В Московском обществе испытателей природы имеется специальный архив, касающийся его членов, и за всякие письма, воспоминания и т. д. Общество будет крайне благодарно.

² Я имею ввиду четвертое путешествие по Ирану и сводку по птицам этой страны; последняя работа еще в 1911 г. была подготовлена к печати.

„Я страстно люблю природу и в дальних странствованиях вся моя душа“.

З а р у д н ы й, Экскурсия по северо-восточной Персии и птицы этой страны, 1900, стр. 7.

ЗООЛОГ И ПУТЕШЕСТВЕННИК Н. А. ЗАРУДНЫЙ

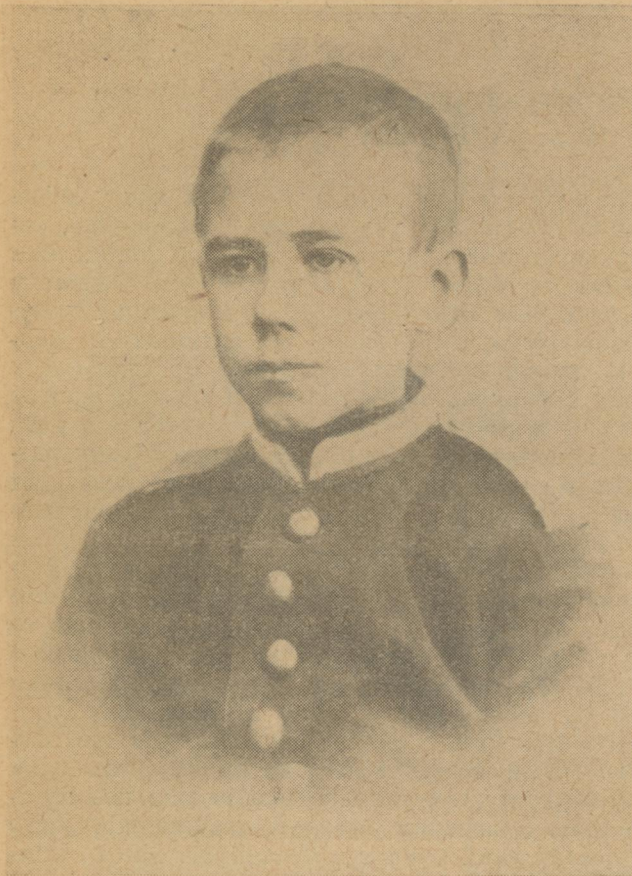
Николай Алексеевич З а р у д н ы й не принадлежал к кругу официальных ученых. Окончив 19-ти лет учительскую семинарию, он почти всю свою последующую жизнь занимал скромное положение преподавателя кадетского корпуса — сперва в Оренбурге, потом в Пскове, наконец в Ташкенте. Тем замечательнее, что этот не получивший специального образования и постоянно нуждавшийся в средствах для жизни человек, используя лишь свободное от служебных обязанностей время, сумел обследовать зоологически разнообразные районы Европейской России и обширнейшие пространства Средней Азии, совершить четыре замечательных путешествия по Ирану, собрать огромные коллекции по всем группам животных, написать ряд капитальных трудов и многочисленные специальные статьи и приобрести имя орнитолога мирового масштаба.

О детстве и юности Николая Алексеевича мы располагаем чрезвычайно скудными сведениями¹. Родился он в 1859 г. в поместье своего дяди, Николая Андреевича З а р у д н о г о — Грякове, расположенном на границе бб. Валковского уезда Харьковской и Константиноградского уезда Полтавской губ. Родители его — Алексей Андреевич и Евдокия Николаевна — были люди со средствами и жили в Петербурге, широко, открытым домом. На своего младшего сына Николая они обращали мало внимания и мальчик все свое детство провел на родине в поместье дяди и тетки З а р у д н ы х. Хозяйством ведала незамужняя тетка Вера Андреевна, на попечении которой племянник рос до 11 лет, когда был отдан в кадетский корпус в Петербург. Много позже, уже взрослым человеком, Николай Алексеевич неоднократно проводил летние каникулы в поместье своей тетки-воспитательницы и в одной из своих работ («Птицы долины р. Орчика») дал краткое описание его. Передаем это описание в сокращенном виде.

Местность вокруг Грякова представляет собою волнистую степную равнину, прорезанную долиною р. Орчик. Господствующий ландшафт — обработанная степь, однообразие которой нарушается частыми балками, то сохраняющими вид степи, то принимающими характер луга или луговой степи, то поросшими кустарником или лесом. Степь дикая, покрытая ковылем, уцелела лишь кое-где. Большие ли-

¹ Большинство сообщаемых ниже данных о детстве и юности Н. А. получены нами от вдовы его Веры Александровны З а р у д н о й, которой мы пользуемся случаем выразить свою глубокую благодарность.

ственные леса островами и колками протягиваются к северу. Собственно Орчик в области своего верхнего течения летом не представляет сплошного русла, а состоит из цепи озер-плесов, отделенных друг от друга лугами, мочегинами и кочковатыми, иногда очень топкими болотами. Эти озера — небольшие, тихие и спокойные, окружаются или лугами, или ольховым лесом. У самого уреза воды часто сплошными стенами поднимаются заросли высокого камыша, рогозы и ириса. Промежутки между озерами иногда зарастают ольховым лесом с густыми, труднопроходимыми чащами ивы и камыша на полянах. К дому прилегает «большой сад», занимающий 100 десятин, со всевозможными фруктовыми деревьями, великолепной сосновой рощей и многочисленными видами и породами других деревьев, частью туземных, частью завозных.

Н. Зарудный, первые годы в Петербургском кадетском корпусе.

С раннего детства у мальчика, жившего здесь на воле, развилась страсть к природе, к странствованиям, охоте, наблюдениям. Попав в корпус, он возненавидел его казенный режим и городскую жизнь и бежал. Его поймали и водворили обратно. Но в конце концов Зарудный так корпуса и не окончил. Каким-то образом, повидимому, после многих перемен¹, он попал в учительскую семинарию военного ведомства, в какую именно —

нам выяснить не удалось², а прямо из нее был назначен преподавателем естествознания в оренбургскую военную прогимназию.

¹ Уже будучи в Ташкенте, по словам А. В. Панкова (in litt.), Николай Алексеевич говорил, что „из школ его выгоняли за любовь к природе и странствованиям“.

² Об этом нет указаний ни в „послужном списке“ Зарудного, ни в других документах, на этот вопрос не могла ответить нам и В. А. Зарудная. Но в своей статье „Наблюдения над птицами в окрестностях Оренбурга“ Николай Алексеевич мимоходом говорит, что зимой 1878 г. он был в Москве, а в апреле 1879 г., т. е. в учебное время, в Самаре.

С этих пор он стал жить исключительно на свой заработок и проводить все свое свободное время на охоте и в экскурсиях. Осенью, зимою и весною, занятый службою, он «рыскал» главным образом по окрестностям Оренбурга, так как ему редко удавалось вырываться для более отдаленных поездок. Зато все лето З а р у д н ы й проводил в природе, странствуя.

Так, в конце мая 1880 г. он уехал через Илецкую Защиту в станицу Буранную, находящуюся верстах в 7 от р. Илека, почти прямо на юг от Оренбурга. Отсюда он поднимался вверх по р. Хобде верст на 100. В Оренбург он вернулся в начале августа по маршруту — Буранная, нижнее течение Илека до Илецкого городка, среднее течение Урала до Оренбурга. В конце мая 1881 г. той же дорогой он снова отправился в Буранную, откуда предпринял экскурсию к южным и восточным окраинам меловой горной группы на р. Чимбенды, к озеру Сулюк-куль, к верховьям Утвы и на Аще-сай. Вернулся из Буранной в Оренбург в начале августа, пройдя целинной степью, минуя Илецкую Защиту.

Вспоминая свою летнюю жизнь, он пишет: «Я бродил по обширным луговым пространствам вдоль Илека, по окрестным степям и рощам, я проводил ночи на берегах многочисленных там озер и лиманов, я посещал непролазные топи и болота и всюду наблюдал за деятельностью, неугомонною, бурною жизнью вечно беспокойных птиц, и теперь с каким удовольствием вспоминаю тот свободный воздух, которым дышать мне никто не мог помешать, с какой ясностью возобновляются в моей памяти то высокое чувство свободы и воли, которым я наслаждался, бодро шагая по просторной степи, по барханам и лугам. Много скучных месяцев пройдет моей тусклой, безцветной учительской деятельности, много раз с тоской буду вспоминать минувшие, настоящею жизнью кипевшие дни, пока опять поведу их так, как привык с давних пор, а не как велят мне другие» (6¹, стр. 1).

Какая органическая потребность в дикой природе, и какая тоска по ней звучат в этих бесхитростных словах, оказавшихся до известной степени пророческими. Пророческими потому, что так и не удалось ему почти до самой смерти вырваться из тисков казенного заведения, пророческими и потому, что он сумел, вопреки всем внешним обстоятельствам, получить от жизни то, что желал — наслаждение в изучении дикой природы. Но натура З а р у д н о г о не была натурой созерцательной, а натурой деятельной. И трудно сказать, где он проявлял большее упорство — в душных ли камышах, когда часами «кормил миллионы комаров», наблюдая птицу за постройкой гнезда, или дома, ведя тщательные дневники и обрабатывая свои наблюдения в послеслужебное время. Характерно, что этот человек, не подчинявшийся казенной школьной дисциплине, был по отношению к себе чрезвычайно дисциплинированным и вел с исключительной методичностью свои дневники, написанные аккуратным, четким почерком.

О жизни З а р у д н о г о в Оренбурге мы не имеем прямых сведений, но косвенно, из опубликованных им специальных работ, можно

¹ Жирный шрифт обозначает соответствующий № в списке литературы, приводимом ниже.

извлечь некоторые весьма характерные черточки. Он изучал и собирал в то время все: и ос, гнезда которых висели у него на стенах, и бабочек, и жуков, не говоря уже о птицах, к которым он с раннего детства питал особое пристрастие. На полу его комнаты лежал череп верблюда, а в углу — человеческий. В соседней «птичьей» комнате он держал самых разнообразных птиц, часто принося домой подранков и выхаживая их. Здесь перебивали поползни, синицы-князьки и большие, сарыч, иволга, чеглок, черные жаворонки, улит, тиркушки, белолобая казарка, водяная курочка, кроншнеп, некоторое время жил ручной корсак и филин, упоминает он и о ручном еже.

В августовском номере журнала «Природа и Охота» за 1881 г., издававшемся тогда известным натуралистом-охотником Л. П. Сабанеевым, вышла первая печатная работа Зарудного «Наблюдения над птицами в окрестностях Оренбурга». Статья эта, в которой Зарудный показал себя уже опытным и талантливым наблюдателем, содержит данные о полтораста видах, причем некоторые из них описаны весьма подробно с существенными дополнениями и поправками к Брэму, Науманну, Эверсманну. За ней следовало еще несколько небольших, но интересных статей о систематическом положении «голубоногого» коршуна, о ручном корсаке, о некоторых содержавшихся в неволе птицах, описание зоологической экскурсии на оз. Сулюк-куль, о цапле-волчке, а уже к весне 1884 г. Зарудный свел все свои наблюдения над птицами в большую работу — «Орнитологическая фауна Оренбургского края».

В нее вошел, кроме наблюдений в окрестностях Оренбурга и летних экскурсий 1880 и 1881 гг., еще материал, добытый за поездки в последующие годы. В конце мая 1882 г. Зарудный снова побывал на оз. Сулюк-куль и в Аще-сай, откуда вернулся в Оренбург в конце июля прямиком, степью. В августе, воспользовавшись объездом медицинского инспектора, совершил поездку по маршруту: Кургала, Китайям, Шарлык, Дедово, Кугарчи, Преображенский завод, Кагинский завод, Белорецкий завод, Верхнеуральск, Челябинск, Троицк, Орск, Оренбург. Поездка эта познакомила его с общим характером местности большей части Оренбургской губернии, но зоологический сбор был очень незначителен из-за недостатка времени. «Я видел дремучие леса, горы, горные ущелья, речки с их водопадами и каменистыми руслами, огромные, чистые, неприветливо-холодные озера, обширные болота... и время не позволяло мне заняться исследованием этих заманчивых дебрей» (11, стр. 5). Зато в следующем году Зарудному удалось самостоятельно совершить большую поездку и обследовать бассейны Илека и Хобды, но, вопреки первоначальному плану, попасть в Мугоджары не удалось (главным образом из-за недостатка денежных средств). «Таким образом, пишет Зарудный, я довольно хорошо ознакомился с киргизскою степью между средним течением Урала (от Илецкого городка до Орска), с одной стороны, между Илецким городком через Утву и несколько за нею до Джарык-тау — с другой, и между Орском и Джарык-тау — с третьей». Эту то область он и называет Оренбургским краем.

Свою работу, вместе с коллекцией птиц, поступившей в Зоологический музей Академии наук, Зарудный передал проф. М. Н. Богданову, с которым состоял в переписке с 1883 г. Но опубликована рукопись была лишь в 1888 г., уже после смерти Богданова, и вышла под редакцией Ф. Д. Плесске, состоявшего в то время заве-

дующим орнитологическим отделением Музея. В своем предисловии Плесске писал: «Описание географического распространения и образа жизни птиц Оренбургского края составлено Н. А. Зарудным превосходно, так что его работа может считаться достойным продолжением и дополнением известного труда покойного проф. Эд. А. Эверсмана «Естественная история Оренбургского края».

Конечно, сравнивать эти две работы трудно: одна представляет собою результаты целой жизни, обнимает огромную территорию от Волги до Усть-урта и Аральского моря и насыщена систематикой — другая — есть результат лишь нескольких лет, ограничивается только областью среднего течения Урала от Илецка до Орска и бассейном Илека и совсем (точнее — почти совсем) не касается вопросов систематики, в которых Зарудный был еще новичком, нуждавшимся в поправках Ф. Д. Плесске. Однако на своей значительно меньшей территории за сравнительно небольшое время Зарудный обнаружил примерно столько же видов птиц, сколько Эверсманн во всей своей огромной области. Биологические данные Зарудного во многих отношениях точнее, углубленнее и для ряда видов чрезвычайно полные. Те двадцать лет, которые отделяют Эверсманна от Зарудного, имевшего уже такие образцовые произведения, как труды Н. А. Северцова по Воронежской губ., М. Н. Богданова по Поволжью, С. Т. Аксакова по Заволжью, конечно сыграли свою роль, но не следует и переоценивать обстоятельств, благоприятствовавших Зарудному.

В этой первой большой работе Николая Алексеевича уже вполне сказались характерные черты его последующих фаунистико-биологических трудов — обилие и свежесть фактического материала, наблюдательский и писательский талант, вдумчивое отношение к фактам. Он особое внимание уделяет гнездам и яйцам, виды мало изученные, редкие, описываются особенно подробно (это не значит, что Зарудный пренебрегает обычными формами, о таких тривиальных птицах, как галка, сорока, грач, он может сказать много интересного), попутно он пытается по возможности объяснять подмеченные факты. Ограничимся несколькими характерными примерами. По подсчетам Зарудного зимою 1880—1881 гг. в окрестностях Оренбурга держалось по крайней мере 20 000 сорок, в следующем же году их было гораздо меньше. Объясняется это эпизоотией скота, благодаря которой сороки имели обильный корм за пределами города. «Изредка между сороками попадаются такие, которые избегают общества себе подобных и при крайней осторожности одиноко круглый год живут где-нибудь в лесу». «Однажды в продолжении нескольких дней краду дул сильный северо-восточный ветер. Пустельга имела уже детей. И вот для защиты их от наступившего холода она пристроила к своему гнезду с подветренной стороны род забора из перевитых тонких прутьев». «Когда птенцы (выпи) подрастут, гнездо от их тяжести начинает тонуть и родители увеличивают его снаружи новыми пристройками». «Из всех жаворонков малые с наибольшею легкостью переносят жару. В знойные июльские дни, когда дудаки и стрепета срываются из-под самых ног, когда луни рассаживаются на тенистых сторонах обрывов, берегов и даже, если случится, в просо, когда беркута, халзаны и карагуши, ища прохлады, вьются чуть не под облаками, а полевые, белокрылые и черные жаворонки сваливают к воде, на отмели и, за отсутствием их, даже на листья кувшинки, уто-

ляют жажду и купаются, тогда много раз видел я малых жаворонков, как ни в чем не бывало бегавших по раскаленной, бесплодной почве своих обиталищ и собиравших корм».

О качествах Зарудного как сборщика говорит хотя бы то, что им за четыре с половиной года добыты полные и частичные альбиносы: дрозда-белобровика, ремеза, кедровки, галки, кукушки, кобчика, вяхиря, чибиса, вальдшнепа. Он пересмотрел более сотни гнезд болотного луня и столько же коршуна. Им были впервые добыты, в качестве залетных птиц Оренбургского края, целый ряд видов, например, бурый голубь, большая и «египетская» горлица, снежный выюрок, черногрудый воробей, гималайская пеночка, пеночка-королек, соловей-белошейка, горихвостка-красноспинка, два вида черных чеканов, синий каменный дрозд. При этом следует отметить, что огромное большинство из перечисленных птиц с тех пор никем не было обнаружено в указанных пределах.

Таким образом эта работа заняла выдающееся место среди орнитофаунистических работ и была широко использована М. А. Мензбировым в его известной сводке «Птицы России» (1895), где биологические описания ряда видов основаны, главным образом, на данных Зарудного и около 15 видов введены в фауну Европейской России исключительно на основании его находок.

Ради цельности впечатления мы несколько отклонились от хронологического изложения событий. Вернемся к 1884 г. Сдав свою рукопись, Зарудный на свои небольшие сбережения и на деньги от продажи части оренбургских сборов предпринял свою первую отдаленную поездку — в Закаспий. Край этот лишь несколько лет назад был присоединен к России и глубинные части его не посещал еще ни один зоолог. Прибыв 19 июня Каспийским морем в залив Михаила, где тогда начиналась Закаспийская железная дорога, Зарудный на следующий день поездом достиг Кизыл-Арвата. Отсюда он начал свои экскурсии, продолжавшиеся до 8 сентября. За это время им был обследован весь обширный Ахалтекинский оазис вплоть до Асхабада, прилежащие части пустыни и северный склон Копет-дага.

В своих экскурсиях, странствуя один, Зарудный, далеко углублялся в пустыню и горы от русских опорных пунктов. Ночевал под открытым небом, греясь у костра. Питался дичью и собирал все, что мог добыть энтомологическим сачком, ружьем или просто руками (20).

Наградой ему была обильная добыча, с которой он вернулся из своего путешествия. Свои сборы, в том числе около 600 птиц, он передал в Зоологический музей Академии наук. Птиц он обработал сам, пользуясь советами орнитолога названного музея В. Л. Бианки, рукопись же направил М. А. Мензбирову, с которым в 1885 г. Зарудный вступил в оживленную переписку и стал посылать птиц для проверки своего определения. В своей статье, опубликованной на французском языке Мензбировым в «Бюллетенях» Московского общества испытателей природы (1886), Зарудный дает краткое общегеографическое описание обследованного им района с указанием наиболее характерных позвоночных, а в специальной части — сообщает биологические и географические сведения о 184 птицах, из которых некоторые снабжены и замечаниями по систематике.

М. А. Мензбир в своем предисловии дает следующую оценку этой работы:

«Располагая очень небольшими деньгами, лишенный необходимых припасов, предоставленный собственным силам, Зарудный исследовал в зоологическом отношении Ахалтекинский оазис и его результаты превосходят все полученное даже целыми экспедициями, работавшими в соседних областях... Конечно, его исследование только первое слово о стране, для нас ранее совершенно неизвестной, но это первое слово им сказано. Его исследования связали Арало-Каспийскую область с Персией и Афганистаном; вместе с тем он установил важное значение Ахалтекинского оазиса как пути перелета птиц».

Летом следующего года Зарудный опять едет в Закаспий. На этот раз со спутником — А. М. Никольским, впоследствии известным зоологом и профессором Харьковского университета, но тогда только что окончившим университет. Съехались они в Астрахани 23 мая. «Зарудный явился настоящим охотником, пишет Никольский, в зеленой рубашке на выпуск, в ботфортах, в одной руке двустволка, в другой — винтовка Бердана, за поясом револьвер, нож и еще какие-то охотничьи принадлежности»¹. 29 мая они морем прибыли в Чикишляр, в окрестностях которого экскурсировали всего лишь несколько дней. Первоначально молодые путешественники предполагали двинуться вверх по р. Атреку, вдоль русско-персидской границы, не выходя из пределов России. Но азербайджанец, хозяин лачужки; в которой они устроились, предложил им «очень заманчивый план» — переплыть на лодке по морю к устью Гюргеня, купить там лошадей и двинуться внутрь Персии, при чем предлагал себя на все время в качестве переводчика. (Зарудный несомненно уже в это время говорил на казахском языке, который очень близок к туркменскому и узбекскому, т. к. в предыдущую поездку он не имел переводчика; теперь оба натуралиста нуждались, повидимому, в переводчике для фарсидского языка). План этот был принят, переправа совершена и уже через несколько дней путешественники двинулись вверх по Гюргеню. «Направо синеются Астерабадские горы, налево растилается травянистая, уже пожелтевшая степь с перелетающими по ней степными и рогатыми жаворонками (*Alauda bimaculata* и *Otocorys penicillata*)... На пути попадаете тамариксовая роща... Птиц здесь найдено множество... По берегам от валов влетали и вылетали из своих норок золотистые щурки и сизоворонки, а многочисленные табуны блестящих скворцов (*Sturnus nobilior*) с шумом носились с берега на берег». На следующий день утром «степные жаворонки попадают уже редко, но зато много встречаем коршунов, щурок, скворцов, а на бугорках — спокойно сидящих совок (*Athene plumipes*), которые еще не торопятся на покой в свои норки, хотя солнце припекает уже довольно чувствительно. Томительно-однообразно на этой равнине и нет-нет да и посмотришь направо, где возвышаются вдали Астерабадские горы с зеленеющими лесами и белеющими от снега вершинами...». Еще до вечера «мы въезжаем в лес, в те самые полутропические леса, которые широкой полосой залегли у северного подножия Астерабадо-Шахрудинских гор и как-будто сползли с их вершины». Здесь к югу от крепости Ак-Баши (Ак-Кала) путешественники становятся лагерем на несколько дней. Местные леса «составлены из разнообразнейших пород, среди которых наиболее бросаются

¹ Никольский А. М. Летние поездки натуралиста, 1900, стр. 129.

в глаза исполинские дубы, орешники и вязы, завитые виноградом, плющем и многими другими вьющимися растениями; местами колючая ежевика, виноград и разные колючие кустарники образуют чащи в полном смысле слова непролазные... Как очарованный ходил я среди этих гигантских вековых деревьев, среди этой могучей полутропической растительности. И как нельзя лучше понял я, какую связь имеет народный эпос с лесом, среди которого и могла возникнуть идея о таких богатырях, как иранские Рустем и Зораб, как наш русский Илья Муромец,—мощных и крепких, что эти столетние деревья, горделиво возвышающие свои верхушки к синему небу. Среди птиц мы нашли здесь богатую добычу».

Но к 11 июня давно уже болевшая нога Зарудного окончательно отказалась служить, разыгралась и малярия, так что он был вынужден покинуть своего спутника и поехать в Астерабад, в горных окрестностях которого он поправлялся до 25 июня. «Все это время стояла сырая пасмурная погода, час от часу перепадал дождь, и лишь изредка проглядывало солнце. Холодными, сырыми клубами плыли низкие облака, ползли на аул, нависали над ущельями и пропастями, кутали серой пеленой горные склоны и заволакивали эти чудные леса. И когда я поднялся высоко на вершину горного гребня, оставил внизу под ногами эти клубящиеся облачные массы и глянул на север,—тоска защемила сердце: далеко вдаль, залитая яркими солнечными лучами, завиднелась туркменская степь, вспомнился мне Никольский, наши сборы, радость при высадке на персидский берег, первые дни совместного путешествия... И какая разница: тут зябнешь, дрогнешь, а там в каких-нибудь 50 верстах так жарко, что не знаешь куда деваться от палящего зноя».

25 июня, снова больной, Зарудный, еле сидя на лошади, через Астрабад направился в Гязь, где почувствовал себя легче и попытался экскурсировать. Но через неделю малярия настолько усилилась, что он был вынужден сесть на пароход и уехать в Россию «с самыми нищенскими научными результатами». Однако в своей статье, содержащей данные по этой поездке, «Материалы для орнитологической фауны Северной Персии» (1892), приводятся сведения о 129 видах птиц. С конца июля Зарудный опять деятельно начал экскурсировать по окрестностям Оренбурга.

19 декабря 1885 г., по предложению М. А. Мензбира и К. Э. Линдемана, Зарудный был избран действительным членом Московского общества испытателей природы.

Вскоре он обратился в Общество, прося оказать ему помощь для продолжения фаунистических работ в Закаспийской области, что и было удовлетворено. В последних числах марта 1886 г., имея всего 300 руб., полученных от Общества испытателей природы, Зарудный выехал из Оренбурга в свою третью закаспийскую поездку. В пути, из окон вагона, с палубы корабля, он тщательно следит за пролетом птиц, пользуясь же пересадками (Грязи) и дожидаясь парохода (Баку), — совершает небольшие, но успешные экскурсии. Так за три дня пребывания в Баку им зарегистрировано 63 пролетных вида птиц.

На этот раз Зарудный пробыл в Закаспии почти четыре месяца (с 15 апреля по 7 сентября) и, используя железную дорогу для дальних переездов, обследовал, с одной стороны, восточные и юго-восточные районы края (восточная часть Ахалтекинського оазиса и при-

Ом, лежащие части Копет-дага, Тедженский, Мервский, Пендинский оазисы, долины Кушки и среднего течения Мургаба), с другой — юго-западные районы его, пройдя от моря вверх по Атреку и далее вдоль всего Сумбара.

В своей работе об этой поездке (*Recherches zoologiques dans la contrée Trans-Caspienne*, 1889, 1890), носящей характер подробного обследования, Зарудный дает в первой части общегеографическое описание бассейна Мургаба с Мервским оазисом, Пендинского оазиса, долины р. Кушки, долины среднего течения Мургаба, долины Теджен-дарьи и Герри-руда, бассейна Атрека, посещенных равнин и гор, а в конце — некоторые данные о климате. Во второй, систематической, части он сообщает данные о 42 видах млекопитающих, свыше 300 птицах и 39 пресмыкающихся и земноводных. Таким образом, эта работа представляет собою основательный обзор наземных позвоночных Туркмении.

Летом (июнь, июль) 1887 и 1888 гг. Зарудный ограничился поездками по «Оренбургскому краю». Маршруты этих поездок не сохранились, но из отдельных, приведенных в работах данных наблюдений птиц видно, что во второй половине июня 1887 г. Зарудный обследовал долину Урала вниз до Уральска. Главнейшие результаты были опубликованы в «Дополнительных заметках к познанию орнитологической фауны Оренбургского края» (1888). Часть лета 1887 г. Николай Алексеевич провел у себя на родине на Украине.

Летом 1889 г. Зарудный, опять при поддержке Московского общества испытателей природы, имея спутником А. Л. Яценко, совершает свое четвертое путешествие по Закаспию. С 17 по 20 мая он экскурсировал в окрестностях б. форта Александровского на Мангышлаке, а в начале 20-х чисел — в районе ж.-д. станций Узун-ада и Молла-кара. Затем, проехав поездом в Чарджуй, в течение полутора месяцев (с 1 июня по 17 июля) обследовал область Аму-дарьи между Чарджуем и Келифом, передвигаясь частью верхом, частью на лодке. Во второй половине июля Зарудный экскурсировал между Чарджуем и Мервом, в первой половине августа — по нижнему течению Теджена, а вторую половину этого месяца посвятил изучению Копетдагских гор (в частности он высоко поднимался по Ширванскому ущелью). Закончил свое путешествие Зарудный экскурсиями по берегу Михайловского залива, именно в районе Узун-ада (первая неделя сентября)¹. Таким образом, в эту поездку Зарудный обратил особое внимание на изучение среднего течения Аму-дарьи и опубликовал особую статью относительно ее орнитологической фауны в «Бюллетенях» Общества испытателей природы (1890).

Лето 1890 г. (июнь, июль и начало августа) Зарудный провел на родине, у своей тетки В. А. Зарудной. Здесь он совершал почти ежедневные экскурсии как по долине верхнего течения Орчика и прилегающей степи, так и по его окрестностям. Это дало ему возможность «довольно полно познакомиться с здешним орнитологическим миром», о котором он опубликовал небольшую статью — «Птицы долины р. Орчика и околележащей степи» (1892).

¹ Мы изложили маршруты этого путешествия подробно потому, что они, кроме района Чарджуй-Келиф, не были опубликованы и восстановлены нами по отдельным датам наблюдений, выбранным из «Орнитологической фауны Закаспийского края».

Во второй половине августа Зарудный вернулся в Оренбург и действительно коллектировал в окрестностях этого города до весны 1891 г. Среди рукописей, оставшихся после смерти Николая Алексеевича в Ташкенте, имеется разрозненная «Орнитологическая хроника Оренбургского края с 1885 по 1891 г.», с надписью «печальные опататки после погрома 27 апреля 91 года». Что это был за «погром» — нам выяснить не удалось, но в «Орнитологической фауне Закаспийского края» (стр. 534) указывается, что значительная часть оренбургских коллекций погибла. Не произошло ли это во время «погрома»? С 1 июня по 1 августа Николай Алексеевич ездил в отпуск, куда — нам выяснить не удалось¹, но во всяком случае за пределы «Оренбургского края», так как в «Дополнениях к орнитологической фауне Оренбургского края» (см. ниже) нет дат, касающихся этого времени. Вернувшись в Оренбург он опять действительно коллектировал в окрестностях города до 27 октября, после чего даты в «Дополнениях» прекращаются. «В начале 1892 г. я был принужден (sic!) покинуть эту страну», пишет Н. А. в «Дополнениях» (стр. 137). Мне удалось получить некоторые сведения, свидетельствующие о том, что зима 1891—1892 г. была важным этапом в личной жизни Николая Алексеевича и что из Оренбурга он уехал «спасаясь от предстоящего ему брака с одной из местных девиц». По официальным данным (послужной список) Зарудный с 14 января по 8 марта 1892 г. взял отпуск с сохранением содержания, а с 11 апреля по 22 августа без него. Где он был и что делал до начала апреля — неизвестно, но уже в первых числах апреля он плыл из Баку в Закаспий, «имея на этот раз в своем распоряжении достаточное количество времени и денег» (Орнитологическая фауна Закаспийского края, 1896, стр. 213).

Таким образом, летом 1892 г. Зарудным была совершена пятая поездка в Закаспий, которая длилась четыре месяца (с 6 апреля по 9 августа). Большую часть апреля он исследовал пустыню между Мервом и Аму-дарьей, но главное внимание в этой поездке было им уделено изучению горной фауны Копет-дага, под конец же — экскурсировал в районе Михайловского залива. К сентябрю 1892 г., повидимому, прямо из Закаспия, Зарудный переехал жить в Псков.

О своей поездке 1892 г. он специально ничего не опубликовал, но собранные им сведения по птицам вошли в его капитальную сводку «Орнитологическая фауна Закаспийского края», рукопись которой была закончена уже к декабрю 1893 г. Она вышла самостоятельным томом «Материалов к познанию фауны и флоры России» (издававшихся Московским обществом испытателей природы) в 1896 г. Посвятил ее Зарудный памяти Модеста Николаевича Богданова, которого он глубоко уважал как истинного натуралиста и который был, повидимому, первый зоолог, вступивший в переписку с Зарудным. В этой работе Зарудный свел все свои личные наблюдения, данные, полученные от целого ряда корреспондентов, и все литературные сведения. Всего им приводится 445 форм. Как и всегда, особенно полно освещена биология малоизвестных птиц, как-то: скоточки, сирийского поползня, желчной овсянки, саксаульной сойки. Как и всегда, поражает обилие сведений о гнездах и яйцах. Как и все-

¹ Когда настоящая статья была уже набрана, я получил от С. И. Снигиревского написанный рукой Зарудного перечень годов, с указанием, где он их проводил. В этом списке указано, что в 1891 г. он был в „Малороссии“, т. е. у себя на родине.

игда, З а р у д н ы й умеет найти характерные черты в жизни птиц и дать им яркое описание, например: «Чрезвычайно любопытное зрелище представляет колония стрижей на гнездовье. Самок не видно — они насиживают яйца; самцы же, совместно друг с другом, охотятся, прилетая и улетая почти всегда одновременно. Вот они улетели; все тихо; пустынно стоит громада серой скалы или стена пропасти с чернеющими на ней трещинами; кое-где, тихо, без звука, реют в воздухе скалистые ласточки (*Hirundo rupestris*); проходит таким образом четверть или полчаса, — вдруг раздается сверху громкий гудящий звук, несутся пронзительные, свистящие крики, и стая стрижей бурно, шумно, стремительно низвергается вниз и, не замедляя полета, моментально, словно пробивая эти крепкие камни, исчезает в трещинах. Проходит несколько моментов и они, почти одновременно, появляются снова, снова кричат, созывая запоздавших, и снова исчезают все вместе. Невольно удивляешься, как не разобьются эти летуны о скалу, как точно попадают на всем стремительном своем полете в гнезда и как своевременно, при входе в него, успевают сложить свои длинные крылья» (стр. 364—365).

К этому времени З а р у д н ы й обладал уже настолько обширным материалом, что смог разбить «Закаспийский край» на пять зоологических участков и наметить основные перелетные пути. Из почти неизвестного в зоологическом отношении края, каким был Закаспий до начала работ З а р у д н о г о, он стал, почти исключительно благодаря его работам, одной из наилучше обследованных в орнитологическом отношении областей России.

Закончив эту капитальную книгу, З а р у д н ы й, «считая свои счета с Оренбургским краем почти совсем поконченными», собрал выборки из своих оренбургских записей и опубликовал большую статью «Дополнения к «Орнитологической фауне Оренбургского края» (1897). Работа эта и книга 1888 г. до сих пор остаются основными по птицам южного Приуралья и прилежащих низменностей. Отметим, что они стали доступны и иностранным ученым в изложении Grote «*Ornithologische Beobachtungen aus dem südlichen Uralgebiet (Orenburg)*». Jour. f. Ornith., 1919, pp. 337—383; 1920, pp. 33—70, 124—156.

* * *

Таким образом и оренбургским и закаспийским исследованиям был подведен итог; но многое относительно туранской фауны, в частности, орнитологической, оставалось темным. Например, пути и способы расселения южных видов, границы их ареалов, продолжение пролетных путей и т. д. Словом, все предыдущие работы З а р у д н о г о влекли его к новым исследованиям, к исследованиям расположенных к югу от Закаспия и совершенно неизвестных в фаунистическом отношении глубинных частей Ирана.

В 1896 г., при помощи Зоологического музея Академии наук, ему удалось осуществить свое давнишнее желание — посетить самые восточные части тогдашней Персии, в частности важное место зимовок туранских птиц — Сеистанскую котловину (см. карту на стр. 33).

В конце февраля З а р у д н ы й, вместе со своим спутником студентом-ботаником К о р о в я к о в ы м, выехал из Петербурга в Закаспий.

Однако Петровский порт оказался забитым льдом, и им пришлось задержаться здесь на 11 дней, чем воспользовался Зарудный для изучения пролета птиц. Переплыв Каспийское море, они 17 марта прибыли на станцию Узун-ада, на следующий день поездом достигли Асхабада, а 23 выехали из него на фургоне по шоссе через Кучан в Мешед. Хотя равнины Ахалтекинского оазиса были уже ярко зелеными и пестрели маком и тюльпанами, но в более высоких частях Копет-дага лежало не мало снега, барбарис еще не распускал почек, шиповник только начал зеленеть. В Кучане плодовые деревья стояли еще оголенные, виноградные лозы еще не откапывались, тополя ивы были покрыты молодыми листьями. Дорога от Кучана в Мешед шла все время равниною, утомительною своим однообразием. В Мешед, куда Зарудный прибыл через неделю по выезде из Асхабада, экспедиция окончательно снарядилась, и в первых числах апреля маленький караван в составе самого Зарудного, Коровякова, переводчика, двух погонщиков и 9 ишаков, двинулся к югу, в Сеистан. Без малого целых два месяца длился их путь по горам и пустыням. До г. Турбет-и-Хейдари дорога шла горами, в общем пустынными, но всюду по ущельям бежали многочисленные ручьи и речки, из которых большая часть на лето пересыхает. Сам г. Турбет-и-Хейдари и его окрестности изобилует садами персиков, кураги, алычи, яблоней, которые были уже облеплены цветами, но зелень на них только что распустилась. «Чувствуешь бодрость и подъем духа после перехода обнаженными, мертвенными горами и пустынными равнинами» (13, стр. 39). Между Турбет-и-Хейдари и г. Баджистан вклинивается восточная окраина большой иранской соляной пустыни Кевир. Здесь она имеет вид в общем глинисто-щебнистой равнины, местами лежащей на такырах и солонцах, местами имеются пески, селения редки. На переходе сечение ее потребовалась неделя. Не доходя г. Баджистан, Зарудный отделился от каравана и заблудился. К вечеру он подошел к командирской палатке из нескольких черных палаток. «Ночевать меня сюда не пустили, приняв за туркменского лазутчика, и мне пришлось провести холодную и беспокойную ночь в трещине между скал, куда в качестве постели и одеяла я набросал жесткой полыни. Утром следующего дня я застрелил зайца и, подкрепивши свои силы, пошел в горы. Баджистан, отыскавши предварительно ведущую к нему дорогу. Эта последняя идет глинисто-щебнистою полынною степью, состоящей из нескольких долин, среди невысоких горных цепей, соединяющихся друг с другом в разных направлениях. По пути три аб-амбара, но тем горькое разочарование — без единой капельки воды. Солнце жжет без милосердия, от жажды (вечером в Чапали мне не удалось наотпиться) язык шуршит во рту как бумага, я напрягаю последние силы, и, взобравшись по тропе на вершину гор, к которым повела дорога, на торжествую: внизу под ногами вижу широкую долину, а в ней Баджистан с его пышными тенистыми садами и обширными нивами» (39, стр. 18).

От г. Баджистан до с. Бендун экспедиция шла целых пять недель. Путь ее пролегал по горной стране, местами через довольно высокие хребты (перевалы до 2000 м и выше). Общий характер местности — пустынный, особенно низины и предгорья, в ущельях же встречались богатые селения и древесная растительность, порой даже пышная. В горах, не доходя г. Нэ, «много диких баранов и козлов, но после длинного перехода, который был по обыкновению сделан мною пеш-

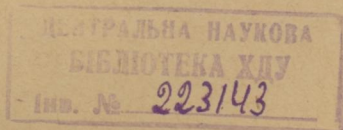
пришлось
ный для
17 марта
достигли
рез Кучан
ярко зеле
их частях
л почек, а
ья стояли
тополя и
в Мешед
ем. В Ме-
Асхабада
апреля ма
в яков а
гу, в Сеи
и в пусты
пустынны
речки, из
и-Хейдар
я, аблоней
олько что
переходов
авнинами
нивается
вир. Здесь
ами лежат
На пере
З а р у д
шел к ко
да не пу
провести
да в каче
м следую
ел в город
орогу. Эта
стоящей из
няющихся
бара, но
нце жжет
далось на
дние сил
дорога,
ней Бад
нивами

ком, мне было не до охоты: устал невероятно, ноги и плечи представляли одну сплошную боль, богатая добыча, собранная по дороге, оставалась еще не препарированная... Утром следующего дня мы спустились в ущелье, понижающееся в южную сторону по направлению к пустыне Лут, и пошли вверх по ее склону. Во всю свою ширину занятое водоскатом, оно очень живописно и богато растительностью... Прошла вчерашняя усталость, чувствуешь невыразимо приятное состояние духа и бодро шагаешь вперед» (39, стр. 35).

Только 23 мая путешественники достигли с. Бендуна, находящегося уже у входа в Сеистанскую котловину. Здесь они впервые встретили большую рощу из великолепных, повидимому, диких финиковых пальм, потом двое суток шли мертвой щебнистой пустыней и, наконец, 25 мая глазам их открылось наводненное ложе Хамуна — «целое море пресной воды». Там и сям среди сплошной водной поверхности плоскими островами выделялись участки незатопленной почвы с разгуливающими зебу, с черными и бурыми палатками и камышевыми шалашами туземцев. Дальше же — вся местность «почти сплошь заросла густыми камышами, чаканом и кугою, которые дают притон разнообразным и многочисленным птицам, наполняющим воздух своими голосами и заставляющим забиться скорее сердце охотника. В воздухе реют чайки и крачки, проносятся косяки пеликанов, колпиков и караваек, куда то торопятся серые, красные и белые цапли, мечутся взад и вперед косяки различных уток; из камышей доносятся гоготание диких гусей, ржание поганок, стоны лысушек, как бы негодующие крики султанок, крикание уток, пение камышевок, звонкое трещание Prinia, свист ремезов и усатых синиц. И как хорошо здесь в камышах, среди массы воды, в горячем воздухе...» (39, стр. 41). Описываемая часть ложа Хамуна составляет южную часть Нейзара (ней — персидское название камыша), главные массы которого занимают северные и северо-восточные части, ближе к большим озерам страны — к Хамун-Севаран, питаемому р. Гильмендом, и к Хамун-Фарах, оводняемому двумя реками, впадающему в него с севера. Нейзар принимает в себя оба эти озера и составляет их общую южную окраину. Поэкскурсировав по плодородному Сеистану к востоку до с. Авселлабад и к югу до г. Гюссейн-абад, З а р у д н ы й в первых числах июня покинул его. До г. Нэ он прошел старою дорогою, а отсюда уже новым путем через гористую пустынную местность и 19 июня достиг г. Бирджан. Сделав здесь дневку, он опять новым путем двинулся на север через горы и равнинные полупустыни, мимо гг. Кайн и Хаф, к середине июля прибыл в с. Календер-абад. Свернув отсюда на северо-запад, он уже через несколько дней был в Мешед, а затем, перевалив скалистый Копет-даг, в самом конце июля вышел на станцию закаспийской железной дороги Каахка, чем закончил свое путешествие.

Таким образом, в Персии З а р у д н ы й пробыл 4 месяца и несколько дней и за это время прошел, в буквальном смысле прошел, более 2 000 верст: «так как дневные переходы делались небольшие, а вычюжные ишаки идут не особенно скорым аллюром, то я, пишет он, имел возможность пройти почти всю дорогу пешком, т. е. обратить ее в сплошную экскурсию» (39, стр. 2). Две тысячи верст пешком по горам и жаркой пустыне!

Главнейшими результатами этого путешествия были: обширные сборы по всем группам животных, которые поступили в Зоологиче-

ский музей Академии наук и были обработаны соответствующими специалистами¹, и книга Зарудного «Экскурсия по северо-восточной Персии и птицы этой страны» (1900), законченная им уже в 1896 г. Последнее обстоятельство свидетельствует не только об исключительной трудоспособности автора, но и о том идеальном порядке, в котором были его дневники, ибо только при этих условиях можно было написать объемистый труд в 262 стр. in 4° в столь короткий срок. Первая часть книги содержит общегеографическое описание пройденной местности, вторая, большая — фаунистические, биологические и систематические данные о 285 видах птиц и их распределении по трем зоологическим участкам, установленным Зарудным для северо-восточного Ирана. При этом следует отметить, что, как и во всех своих работах, Зарудный особенно полно освещает малоизвестные формы.

Летние каникулы 1897 г. Зарудный провел на родине, на Украине, но уже в начале следующего года он обратился в Русское географическое общество с предложением поручить ему вторичную поездку в Сеистан и в еще более отдаленные окраины Восточной Персии. Предложение это, при деятельной поддержке А. П. Семенова-Тянь-Шанского, было принято, и уже в середине марта 1898 г. Зарудный выехал из Асхабада в Мешед, имея на этот раз, впервые за все свои поездки, препаратора. В Мешеде Зарудный окончательно снарядился, и 20 марта караваном из 13 ишаков тронулся в путь с препаратором Литвиновым, переводчиком и двумя погонщиками.

На этот раз Зарудный выбрал более прямой, но и более трудный путь. Первые недели две, держась в общем юго-восточном направлении, караван шел населенными хорошо орошенными местами через города Феримун и Турбет-Шейх-и-Джам до сел. Кяриз. Отсюда была сделана боковая экскурсия к реке Герри-руд для наблюдения за протокотом, который был в разгаре. 11 апреля экспедиция двинулась дальше на юг, пересекла сперва гористую местность, затем пустыню, где каменистую, где песчаную, и после ряда тяжелых и скучных переходов достигла гор Гезик. Обследовав эти горы, которые в общем имеют пустынный характер, хотя среди них и рассыпаны отдельные селения, утопающие в зелени садов, например большое селение Аваз, Зарудный двинулся дальше и через пустынные горы и пески 8 мая прибыл в сел. Бендун, расположенное в узкой долине и известное ему по прошлому путешествию. Еще два перехода по 32 версты каждый, и экспедиция расположилась лагерем на ночь вблизи берегов Хамуна. «Ночь проведена мною, пишет Зарудный, беспокойно: удушливый дым многочисленных костров, людской говор и гомон, хриплый рев зебу; а со стороны Нэйзара (огромное камышовое болото) несутся сливающиеся голоса лягушек и козодоев и неясный, неумолчный шум, производимый птичьим населением его громадных камышей; прислушиваешься к этому шуму, стараешься разобраться в нем и отгадать отдельные звуки, а сердце замирает в предвкушении охоты и экскурсий по дебрям этой интересной страны» (43, стр. 104). Через два дня (12 мая) Зарудный достиг глав-

¹ В частности А. М. Никольский опубликовал статью „Пресмыкающиеся амфибии и рыбы, собранные Н. А. Зарудным в Восточной Персии“ (Ежегодник Зоол. муз. Акад. наук, II, 1897), где описаны 12 новых видов.

ного города Сеистана — Насир-абада, который был избран им своею главною квартирой при обследовании Сеистана. Отсюда он, отпустив погонщиков с ишаками обратно в Мешед и приведя в порядок экспедиционный багаж, произвел в течение второй половины мая ряд экскурсий: к северо-западу (до сел. Адами), к северу (до сел. Даулет-абад) и к западу, а в начале следующего месяца перебрался в г. Гюссейн-абад. Сделав из Гюссейн-абада двухдневную экскурсию на север к восточному заливному ложу Хамуна, З а р у д н ы й этим завершил обследование культурного Сеистана.

К 4 июня закончилось формирование нового каравана, уже на верблюдах, так как предстоял длинный путь по безводной пустыне. Этот караван, под который были наняты 5 человек белуджей с 12 верблюдами, обошелся очень дорого, но белуджи не соглашались за обычную плату идти на юг, где рисковали подвергнуться нападению со стороны враждебных родов, имевших с ними старинные счеты.

Почти месяц караван двигался бесплодной, пылающей зноем пустыней, первые дни — равнинной, местами глинистой, местами песчаной, а затем — гористой, покрытой раскаленным щебнем и камнями. Днем температура держалась около 40° С и дул постоянный ветер, обдавая людей и животных горячей пылью. На всем своем пути в 350 верст, лишь в двух местах — в урочище Дуз-аб-и в урочище Курин — они встретили жилища людей, да раз видели 5 человек белуджей, по всем признакам разбойников. Наконец, в последних числах июня показались из-за невысокой горы вершины финиковых пальм города Базмана. «Еще немного — и мы в тени их, около чудесной воды. Невыразимо приятно чувствуешь себя, когда после целого ряда переходов через раскаленные, безжизненные горные пустыни очутишься среди массы зелени, слышишь поминутно птичьи голоса, видишь журчащую, прозрачную, вкусную воду» (43, стр. 218).

В Базмане З а р у д н ы й отпустил людей и верблюдов, взятых из Сеистана, пять дней экскурсировал по окрестностям, а затем двинулся с новым караваном в Бампур.

Дорога шла горами, сначала покрытыми довольно богатой растительностью, а дальше — пустынными, хотя и перерезанными довольно многочисленными ручьями. Жара стояла страшная: 6 июля в 4 часа пополудни в тени было 56° С.

Перед Бампуром явились бугристые пески, «изобильно поросшие неизвестными, пышными, высокими кустарниками и акацией. Эта последняя образует здесь уже настоящий лес, — первый после лесов Герри-руда. Я останавливаюсь в тени и, дождавшись отставшего каравана, делаю несколько глотков воды. Усталость проходит и чувствуется прилив бодрости: «Ну», думаю: «здесь уже должны встречаться южные, индийские птицы», и снимаю ружье из-за плеч. И точно: в тот-же момент слышу хлопанье крыльев у вершины дерева, вижу какого-то незнакомого ястреба, стремительно вылетающего из чащи, и валю его метким выстрелом. беру к своей добыче и с восторгом узнаю в ней индо-малайского *Butastur teesa*. Вслед за громом выстрела слышу резкие, неизвестные крики; поспешно подобрав убитую птицу, я мчусь туда, откуда они раздаются, как-то неожиданно выпугиваю какую-то куропатку и, застрелив ее, признаю в ней *Ortygornis ponticerina*, которую до сих пор еще никогда не держал в руках. Радости моей нет границ, и я торжествую... Вдруг, совсем близко, раз-

дается странный свист; я оглядываюсь и замечаю крошечную птичку, кажущуюся совершенно черною; вкладываю в ружье мелкодробный патрон и, несколько секунд спустя, первый раз в жизни рассматриваю великолепного медососа (*Neetaria brevirostris*). Чувствую, что глаза мои смеются от удовольствия, что лицо складывается в улыбку и что вид мой для постороннего наблюдателя, каким в данном случае является один из моих людей, смотрящий на меня весьма подозрительно, становится совсем глупым» (43, стр. 237).

Нельзя удержаться, чтобы не привести описания Зарудного его первой ночи, проведенной в Бампуре. «С солнечным закатом подул обычный здесь в это время года жаркий южный ветер, закаркали индийские сиворакушки, усаживаясь на ночлег в соседних пальмах, стали перекликаться проснувшиеся индийские сычики, а на фоне потускневшего знойного неба замелькали летучие мыши, порою, оставаясь на месте и словно купаясь в горячем воздухе. Из цитадели донеслись звуки рожка вечерней зори и голос муллы, призывающего правоверных к молитве, а совсем близко закричала, завывала, захохотала и заплакала большая стая шакалов. Потом все стихает. У меня проходит сон, но я не сожалею о нем, так как чувствую, что и без него хорошо отдыхаю в наступившей тишине. Сидя у фонаря, я набиваю ружейные патроны на завтрашний день, потом заново в записную книжку дневные наблюдения и одновременно ловлю насекомых, прилетающих на свет огня. Душою моею овладевает беспричинный восторг; я люблюсь на блестящие звезды, прислушиваюсь к неясным звукам горячей южной ночи, наслаждаюсь одиночеством и восхищаюсь тишиною» (43, стр. 239).

Почти месяц (с 8 по 30 июля) Зарудный, имея штаб-квартирою Бампур, экскурсировал вдоль Бампурской речки — вниз на 70 верст и вверх до г. Фарра, собирая богатую добычу. Вместе с тем он дожидался гонца, посланного им в Сеистан за деньгами¹, и пытался нанять верблюдов для движения дальше к берегам Аравийского моря. Но, из боязни воровских шаек, никто из владельцев не соглашался отпустить своих животных за ту плату, которую Зарудный мог предложить. «Оставалось возвратиться в Базман, дожидаться там денег из Сеистана, которые должны были прийти через несколько дней, и, отказавшись от намерения посетить берега Оманского залива, заняться исследованием Керманских гор. Утешением для меня служило то обстоятельство, что в области Бампурской реки мне удалось связать английские исследования фауны южной Персии с русскими, большею частью моими собственными, — северной части этого государства» (43, стр. 256).

2 августа, пройдя старой дорогой, Зарудный достиг г. Базман. Здесь он пробыл несколько дней, экскурсируя по окрестностям и дожидаясь известий из Сеистана. Но 7 вернулся посланный с известием, что деньги не прибыли (они были получены лишь много позже — в сентябре). Так как в распоряжении Зарудного оставалась лишь сумма, на которую с грехом пополам можно было пройти только в Сеистан, то ему «пришлось возвращаться назад, отказавшись от исследования и гор Кермана».

¹ Туда помесечно должно было высылаться его содержание по Псковскому корпусу; отметим, что, уезжая из Петербурга, Зарудный имел только 1 800 руб., полученных им от Географического общества.

Наняв четырех верблюдов (больше не было) и 6 ишаков, Зарудный с караваном и 7 людьми 9 августа покинул Базман и направился старою дорогою в Падаги, куда пришел через неделю. Несколько не доходя Падаги, на Зарудного, шедшего по обыкновению пешком впереди каравана, было совершено нападение, но разбойники промахнулись и две пули ударили о камень, на который он присел, не причинив ему вреда, и он вскоре благополучно присоединился к подошедшему каравану. От Падаги караван свернул на северо-восток и по новой дороге горами, сперва низкими, пустынными и совершенно безлюдными, позже — более высокими, покрытыми травянистой и кустарниковой растительностью и имеющими, хотя и редкие, поселения, 22 августа достиг урочища Ляадис. Отсюда Зарудный сделал недельную экскурсию к горе Кух-и-Туфтан, которая представляет собою потухший вулкан и самую высокую вершину юго-восточной Персии. Хотя 24 августа к Зарудному явился офицер индийской «службы» и в решительных выражениях советовал возвратиться назад, в противном случае угрожая арестом, Зарудный все же рискнул идти дальше и через два дня поднялся на вершину Кух-и-Туфтан и определил ее гипсометрически.

В последних числах августа Зарудный выступил из Ляадиса и, пройдя пустынными горами сперва на северо-восток, а затем свернув на запад, к 1 сентября прибыл в урочище Дуз-аб. Отсюда он двинулся прямо на север по старой дороге. «Пустынный характер страны принял еще более неприветливый и угрожающий характер. Скудная растительность, не считая тамарисков и саксаула, окончательно высохла или, по крайней мере, сбросила свою листву и казалась сухою». 5 сентября караван прибыл в Гурмук, а на следующий день вечером к развалинам Гумбез-и-Терденрик. «После нескольких часов безуспешных поисков находящихся около них колодцев, мы решаемся искать их утром. Пить хочется страшно: последняя вода была выпита вскоре за полднем; после жаркого дня и непрерывного движения ждать еще несколько часов кажется тяжелым. Утром мы действительно находим колодцы, но вода их для питья оказывается негодною: бурая, как шоколад, вонючая, горькая и, что печальнее всего, соленая... Все падают духом, только Регимдад (мой проводник) не унывает и, в знак клятвы показывая на свою седую бороду, обещает через несколько часов привести караван к колодцам с хорошою водою. Дав немного отдохнуть нашему скоту (ишаки отказались от водопоя), мы выючим его и направляемся к северо-востоку, где, по словам Регимдада, есть колодцы на более близком расстоянии, чем известные мне Чах-и-Джану и Чах-и-Кечули. Вскоре один верблюд падает; градом сыпятся на него удары, но он уже больше не встает. Перевьючив бар, мы идем дальше, по прежнему без дороги, и час проходит за часом. Среди своих людей я слышу звуки рыдания и возгласы: «Зачем мучиться и идти дальше: мы все равно умрем». Регимдад объявляет, что он спутался, что к вечеру мы будем у воды, но на этот раз он уже не трогает своей бороды. Снова идут часы за часами, солнце скрывается за горизонтом и наступает ночь. Рот и горло пересохла, язык шуршит как бумажный, в глазах стоят огненные круги и сыпятся искры. Пройдя еще несколько часов, — всего мы сделали за этот день 46 верст, — я из боязни, что выючный скот откажется служить окончательно, приказываю остановиться и дать ему отдохнуть... Я спрашиваю Регимдада, что нам делать

дальше. Он молчит и поднимает руки к небу. Тогда мы решаем, давай отдохнуть верблюдам и ишакам, идти на северо-запад, к Хамуну. Наступили тяжелые минуты: голова кажется налитой расплавленным свинцом, виски сжимаются как тисками, в мозгу что-то сверлит и ноет, губы трескаются, и из ранок вытекает густая темная кровь, которая тут же запекается. Все мы почернели и страшно похудели. Я понимаю наше критическое положение, и мне безумно жалко потраченного труда и собранных коллекций. Через полчаса после остановки я слышу хриплый от жажды крик Джангира: «Дуз! дуз!» (воры! воры!), и при свете звезд вижу, как несколько человек (белуджей гонят наших ишаков и верблюдов прочь от стана... Один из моих людей лежит без памяти, двое отстали еще днем, и для них мы оставили приметы; я остаюсь с Пир-Магомедом и Регимдадом караулить багаж, а препаратора Литвинова с переводчиком посылаю отбивать наш скот. Вскоре раздаются учащенные выстрелы берданок. В то же время к стану подлетает всадник на верблюде, но зарядом картечи из своего дробовика я заставляю его опрокинуться на верблюжий горб; животное пугается выстрела и скрывается со своею ношей в тамариксовых кустах. Все обходится благополучно: скот водворяется на место, а мы избавляемся от крупной опасности так как если бы разбойникам удался их план, мы вряд-ли дошли бы до воды, а я во всяком случае лишился бы всего экспедиционного имущества...

«Часа в два пополудни, 8 сентября, забрав больного, который к счастью скоро пришел в себя, и оставляя для оставшихся знаки, мы двинулись дальше. Пройдя около тридцати трех верст в западном и северо-западном направлении и потеряв еще одного верблюда, мы были принуждены остановиться, так как скот отказывался идти дальше. Кое-как расставлена была палатка и расположен багаж. Литвинов впал в беспамятство и стал бредить; у людей, еще державшихся на ногах, в глазах явилось растерянное и безумное выражение. Вероятно такое же выражение было у меня, так как ко мне вдруг нагибается Пир-Магомед и говорит: «Сагиб, не бойся: ты умираешь вместе с мусульманами, и я буду просить бога и его пророков, чтобы ты попал в рай; я сеид, и просьба моя будет исполнена». Ишаки собрались толпой у входа в палатку, трогательно смотря в глаза людям и так же, как люди, стонут и хрипят... Наступили самые жаркие часы дня и я не берусь описывать муки, которые все мы испытывали. Через некоторое время притащились отставшие люди, дрожащие, почерневшие, похудевшие; не произнося ни слова и ни на кого не глядя, они бросаются на дно палатки и затихают. Я чувствую, что мною овладевает ужас и отчаяние: умирать таким образом кажется нелепым, бессмысленным». Между тем все предвещало неизбежность скорой гибели. Однако уже ночью, когда всякая надежда казалась утерянной, одним из трех белуджей, которые еще могли двигаться и говорить, в семи с половиной верстах от стана была найдена вода. Люди и животные были спасены. «Находясь на краю гибели, мы избегли ее, говорит Зарудный, главным образом благодаря своей выносливости. Без воды и при усиленном движении (шли все время пешком и сделали более 90 верст) мы пробыли почти двое с половиною суток, причем погода в эти дни стояла довольно жаркая», именно: днем около 46°.

На следующий день, 9 сентября караван дошел до разливов Ха-

муна, а еще через день вышел у с. Вермаль на старую дорогу, которою прибыл 12 сентября в с. Авселлабад. Здесь Зарудный оставался с неделю, деятельно экскурсируя по окрестностям, в частности по болотам, «кишмя кишевшим различною пернатою дичью, где я мог вдоволь охотиться, пополнять свои коллекции и, самое главное, отдыхать душою, не видя людей, не слыша их говора и оставаясь наедине с природою, которую я так безумно люблю».

24 сентября Зарудный с новым караваном старою дорогою, местами лишь с незначительными отклонениями, направился назад в Россию. Путь его продолжался более месяца и лишь 31 октября он прибыл в Мешед. Отсюда, спустя 10 дней, Зарудный с препаратором на фургоне выехал через Кучан в Асхабад.

От К. М. Федорова, издававшего в то время «Закаспийское Обозрение», мы получили следующие не лишние интереса сведения. В Асхабаде Зарудный очутился в весьма затруднительном положении — ему не на что было отправить собранные коллекции в Петербург. Сперва он просил помощи у начальника Закаспийской области А. Н. Куропаткина, но, получив отказ, обратился в редакцию «Закаспийского обозрения», которая и помогла ему. К. М. Федоров хорошо помнит свою встречу с Зарудным, когда он явился в редакцию обветренный, худой, утомленный, в обносившейся одежде. Повидимому, эта внешность и была причиной недоверия Куропаткина. Впоследствии, когда вышла «Экскурсия по северо-восточной Персии...» (1900 г.), Зарудный послал ее Куропаткину, бывшему уже военным министром, и получил от него 5 000 рублей. Эта сумма — огромная для Зарудного — вполне поправила его денежные дела, находившиеся в весьма плохом положении.

Результаты этого восьмимесячного путешествия, в которое было пройдено свыше 4 000 верст, выразились в многочисленных термометрических, барометрических, гипсометрических и других наблюдениях физического характера, в производстве маршрутно-глазомерной съемки страны, лежащей между Сеистаном и Бампуром, относительно которой на всех русских и английских картах была полнейшая путаница, в многочисленных поправках и дополнениях «к картам Восточной Персии», в зоологических сборах по всем группам животных (одних позвоночных собрано более 2 100 экземпляров). Что касается гербария, то он, вместе с небольшой минералогической коллекцией и небольшой же, но весьма ценной частью зоологических сборов, был оставлен и спрятан в пустыне 8 сентября, когда путешественники блуждали в поисках воды, и впоследствии найден разграбленным.

Уже в первых числах мая 1899 г. Зарудный закончил свою книгу «Экскурсия по Восточной Персии» (1901), в которой дается общегеографическое описание путешествия 1898 г. Орнитологические же наблюдения и сборы послужили материалом для специальной книги «Птицы Восточной Персии» (1903). В ней «Восточная Персия от русской границы на севере и включительно до Бампурской котловины на юге» разделяется на шесть зоогеографических участков и сообщаются данные о 421 форме птиц. Особенно подробно Зарудный останавливается на таких малоизвестных птицах, как нектарка (*Cinniris brevirostris*), буль-буль (*Melpastes leucotis*), бурнезия (*Burnesia lepidia*), черноголовый ремез, описывая их поведение, гнезда, яйца, линьку.

Наконец, наблюдения над низшими позвоночными были изложены в статье «О гадах и рыбах Восточной Персии» (1904), она служит дополнением к работе систематического характера А. М. Никольского «Пресмыкающиеся, амфибии и рыбы второго путешествия Н. А. Зарудного в Персию в 1898 г.» (Ежег. Зоол. муз. Акад. наук, т. IV, 1899, стр. 375), в которой приведено 69 форм, из них многие описываются как новые. Из статей по беспозвоночным, основанных главным образом на сборах этого путешествия Зарудного, упомянем работу Reuter «*Capsidae persica a D:o N. A. Zargudny collectae*». (Ежегод. Зоол. муз. Акад. наук, т. IX, 1905, стр. 5), содержащую описания двух новых родов и семи новых видов, и Virgula «*Beiträge zur Kenntnis der Scorpionenfauna Ost-Persiens*» (Изв. Акад. наук, т. XII, 1900) с рядом новых форм.

Уже в 1900 г. Зарудный, опять по поручению Русского географического общества, но при участии Военного министерства, предпринял «третье путешествие в Восточную Персию». На этот раз с ним поехали орнитолог М. М. Гермс, в качестве фотографа, и препаратор С. Александров. Выехав 20 сентября из Петербурга, они 25 сентября прибыли в Баку, 26 — в Красноводск, где наблюдали пролет, а 28 — в Асхабад. Здесь они привели в порядок дела, наняли переводчика Аджи и 4 октября выехали на фургоне через г. Кучан в Мешед, куда прибыли 10-го. В Мешед экспедиция снарядилась окончательно и 19 октября двинулась караваном на 6 мулах и 8 ишаках при 3 погонщиках в Сеистан. До Календэр-абада Зарудный шел дорогой, уже хорошо известной ему по предыдущим путешествиям, но от Календэр-абада он свернул на юг, перевалил покрытые арчей горы (к югу отсюда арча уже не встречается и сменяется всецело фисташкой) и по широкой, хорошо орошенной и густо населенной, долине прямым путем прошел в с. Кяриз, что сократило путь на несколько десятков верст. Из Кяриза, как и в 1898 г., была совершена двухдневная экскурсия к Герри-руду ради наблюдения за пролетом, который, однако, уже кончался. 4 ноября экспедиция двинулась дальше и, пройдя той же дорогой, что в 1898 г., лишь местами несколько отклоняясь от нее, через три недели прибыла в Бендун, а 29 ноября расположилась на берегу разлива Хамуна. По дороге в Сеистан зоологические сборы были не особенно богатыми, зато в самом Сеистане «пришлось работать не покладая рук. Гром и стон стояли в воздухе от голосов и шума крыльев миллионов птиц, собравшихся сюда на зимовье. Тучи лебедей, гусей, пеликанов и уток, затмевая солнце, носились в различных направлениях, наполняя мою душу диким восторгом и необузданною радостью». Поохотившись здесь сутки, Зарудный 1 декабря нагнал свой караван в сел. Авселлабад и вместе с ним к вечеру дошел до г. Гюссейн-абад, где помещалось русское вице-консульство. Здесь он пробыл до 22 декабря, совершая экскурсии к северу и северо-западу верст на 35 и на северо-восток верст на 30 (берег Нового Гильмэнда). Затем, сформировав караван из 12 верблюдов при пяти белуджах, Зарудный двинулся на юг через Сеистанскую пустыню той же дорогой, что шел в 1898 г., и 2 января 1901 г. достиг урочища Гурмук. Пустыня местами имела безотрадный характер, но стояла сырая погода, а 29 декабря весь день шел сильный дождь. За несколько переходов до Гурмука Зарудный имел первое столкновение с англичанами: «Подходя к английской станции Чах-и-Новар, я слышу возгласы: «урус, урус!» и вижу

ны в 5 человек афганской прислуги: один из них кричит мне: «боро!» (прочь, вон!) и прицеливается из винтовки, а остальные, сделав злобные глаза, ругательски ругают Россию и Персию. Тогда я снимаю с плеч ружье и, поклявшись, что застрелю кого-нибудь, если не прекратят ругань, подхожу к загороди и спрашиваю о причине подобного отношения. «Имеем хукму (приказание) от сагиба Тренча (английский консул в Сеистане Chenevix-Trench) не пускать русских людей к колодцам и гнать их выстрелами», — отвечает один из нахалов: «боро!». «Попробуйте сделать это», — возражаю я и, велев передать мистеру Тренчу некоторые эпитеты, приказываю развьючить часть каравана у наварских колодцев, а другой части отойти несколько дальше, где в лужах имелась хорошая дождевая вода, а около — обильный корм для верблюдов» (188, стр. 85). Уже в окрестностях самого Гурмука З а р у д н ы й имел еще одно столкновение. Во время экскурсии к нему подошел вооруженный афганец с требованием, чтобы он увел отсюда свой караван, «так как здесь английская земля», грозя в противном случае вызвать помощь и применить силу. «Я разбил об его физиономию палку от энтомологического сачка и объявил на следующий день дневку», пишет З а р у д н ы й (188, стр. 89), но больше никто не являлся.

Через 4 дня З а р у д н ы й знакомо уже ему дорогою пришел в урочище Дуз-аб, а 12 января — в Ляадис, в окрестностях которого экскурсировал несколько дней. Затем, свернув на юго-восток, уже новой дорогой направился в Джалк. Путь пролегал все время равниною — сначала каменистою, потом песчаною — и только вначале и перед самым Джалком пришлось сделать небольшие горные переходы. «Карты для страны, залегающей между Ляадисом и Джалком, пишет З а р у д н ы й в своем предварительном отчете 1902 г. (45, стр. 141), ниже всякой критики, и пользоваться ими не представляется буквально никакой возможности, так же как и теми, которые изображают страну между Сеистаном и Бампуром в районе путей, сделанных мною в 1898 г.»

Горы к югу от Дуз-аб пустынные и совершенно обнажены и «я представляю себе, говорит Зарудный, какой ужас царит в них летом, в жаркие дни. Ночью, при лунном освещении, они представляли оригинальный эффект, так как, изобилуя выпареною солью, казались покрытыми снегом. Иллюзия зимы была бы совершенно полною, если бы не воздух, который не был зимним (в полночь $+30^{\circ}$ С), если бы не летевшие на огонь свечи, зажженной в палатке, бабочки и не кусающиеся комары и если бы не крупные летучие мыши, мелькавшие перед входом» (188, стр. 107). Далее к юго-востоку раскинулась широкая бесплодная равнина Талаба, лишь местами поросшая саксаулом и тамариксом. Место Камир, куда экспедиция прибыла 24 января, производит жалкое и печальное впечатление, и вода здесь бывает только во время сильных дождей. Подходя к нему, путешественники заметили небольшой караван — это были первые люди после Дуз-аб. «При нашем приближении караван быстро скрылся за извилистый яр. В то же время над этим последним показались четыре человеческих головы, блеснуло четыре ружейных ствола и задымились фитили. Когда мы подошли к этому месту шагов на сотню, крича, что мы русские путешественники, люди встали и загасили огонь. Однако, еще в течение нескольких минут они смотрели на нас испуганными, недоверчивыми глазами: нас было больше, мы были хорошо вооружены,

и с нашей стороны ожидали насилия. Так в этой глухой стороне встречаются караваны!» (188, стр. 127).

За Камиром дорога тянется солонцами, бесплодными солонцеватыми глинами и дикими, в высшей степени пустынными лутами (каменистыми пустынями). Далее, в местности Гурани, представляющей собой обширную низменность, она входит в редкий пальмовый лес. Постоянного жилья в Гурани не имеется, и люди более или менее длительно пребывают здесь только на время сбора фиников. Для жилья, как и везде в Белуджистане, служат сделанные на скорую руку шалаши, а для обороны в случае нападения — четырехугольные глинобитные блокгаузы с бойницами и плоскими крышами из пальмовых стволов и вай. Место, в котором скучено до 25 хижин и расположено особенно много блокгаузов, величается белуджами как «шар», т. е. город. За Гурани тянутся пески, местами поросшие одиночными пальмами, имеются и солонцы... Наконец, в последних числах января экспедиция достигла большого и богатого оазиса Джалк с великолепными пальмовыми парками и многочисленными полями.

Согласно первоначально намеченному плану, Зарудный должен был из Джалка итти на восток в Келатский Белуджистан. Но выполнить это не удалось. В день прихода экспедиции в Джалк к Зарудному явился посланный от Ноуруз-хана харанского, с которым Зарудный познакомился в 1898 г. и который обещал содействовать русскому путешественнику в следующий его приезд, и от имени своего господина передал просьбу, чтобы Зарудный не ходил на восток, если не желает лишить его английской субсидии и поставить в неловкое положение, так как имеет приказ арестовать Зарудного и доставить его в Кветту. Пришлось отказаться от дальнейшего движения на восток, свернуть к югу и ограничиться исследованием «Персидского Белуджистана».

Путь от Джалка в Дизак пролегал большею частью холмами и невысокими, но мрачными и дикими горами. Местами по водостокам встречались густые заросли низкорослой, стелющейся вееролистной пальмы — притоны шакалов, лисиц и зайцев. Ручьев и человеческих поселений, окруженных пальмовыми рощами и фруктовыми садами, довольно много. В районе Дизака было не спокойно: большие и малые шайки вооруженных белуджей бродили по стране, отыскивая и подстреливая отбившихся от главного стана персидских правительственных воинов. Зарудный, поддерживая хорошие отношения как с начальником правительственного отряда Гашим-ханом, так и с главой повстанцев Байрам-ханом, двинулся 8 февраля далее на юг, хотя он имел сведения, что люди Мир-Абдулла-хана джалкского, согласно желанию англичан, имеют намерение убить его. В письме к русскому генеральному консулу в Хорасане Гашим-хан, между прочим, писал: «Поистине удивительно мужество Зарудного, сагиба, который один проезжал в такие места, несмотря на то, что френги старались погубить русских людей. Даже подкупали и предлагали пенсии... Только Зарудный, сагиб, мог проехать по таким местам, что заслуживает удивления, и хвала ему» (188, стр. 169).

Дорога из Дизака в Мегас все время шла горами, и каравану пришлось преодолеть ряд трудных перевалов. 10 апреля, «спокойно следуя по дороге, мы вдруг увидели несколько лашкеров (воинов), которые с ясно долетевшими до нас криками: «идут, идут...» бросились бе-

жать к попутным высотам, на вершинах которых, как можно было рассмотреть в бинокль, между камнями, красными и белыми пятнышками виднелись головные уборы людей и голубыми струйками курились зажженные ружейные фитили. Когда караван приблизился к этому месту, когда перед его фронтом несколько дуль запыхало землю и раздался треск выстрелов, я, г. Гермс и Александров побежали к разбойникам и живо разогнали их учащенной пальбою из берданок и имевшегося у меня десятизарядного пистолета маузера» (188, стр. 180).

Несколько позже, «когда караван спустился в теснину, чтобы вслед за тем начать подъем на перевал, в стороне от нас раздалась крики, требовавшие нашей остановки. Приказав шатундарам поскорее увести верблюдов наверх, а самим с г. Гермсом и Александровым занять позиции на господствующих высотах, я силою задержал при себе переводчика и остался на дне теснины под надежным прикрытием товарищей. Тогда ко мне сначала подошло пять белуджей, а потом целая толпа их. Косясь на моих людей, ружья которых поблескивали между скалами и которые в несколько минут могли произвести среди них изрядное опустошение, белуджи вложили в ножны свои кривые сабли, загасили фитили и объяснили, что им отдан Гулям-Рассуль-ханом приказ уничтожить нас, но что они предпочитают оставаться в добрых отношениях с русскими ляхкерами... Да и как было им не говорить о таковых отношениях, когда мы во-время успели занять неприступные для них позиции и когда дальше за перевалом уже начинались земли дружески к нам расположенного Шах-Джуан-хана, правителя страны Мегас» (188, стр. 180).

Мегас — богатый оазис с великолепными пальмовыми парками и обширными хлебными полями, заброшенный на плоскогорье среди пустынных и порою малодоступных гор. Прожив в этом оазисе два дня, экспедиция двинулась к верховьям одной из самых значительных рек «Персидского Белуджистана» — к Руд-и-Сарбаз. По дороге были преодолены два высоких перевала. Благодаря дождям, прошедшим в начале января, недостатка в воде не было.

17 февраля было сделано второе и последнее покушение на Зарудного людьми Мир-Абдулла-хана. Когда Зарудный, отстав от каравана, бродил по лесу, ловя насекомых, раздался выстрел, и пуля провизжала мимо его уха. «Стреляли близко, и только каким-то чудом снаряд не пробил головы (несколько дней после того я страдал головною болью и ходил глухим на правое ухо)» (188, стр. 194).

Вдоль Руд-и-Сарбаз караван шел 15 дней, сделав около 180 верст, после чего, немного ниже Багу-келат, свернул на запад, оставив реку на левой руке. Долина Руд-и-Сарбаз густо покрыта древесными насаждениями. Чудные, тенистые пальмовые парки вместе с вообще возделанными участками земли тянутся почти непрерывно на целый десяток километров. Местами произрастают густые леса высокостебельного тамарикса «кур-гязь». «Хорошо в пальмах в это время года! Повсюду виднеются цветущие тюльпаны, мак, лютики и ирисы вместе с другими незнакомыми растениями. Теплый воздух наполнен благоуханием и сыростью, несущуюся с наводненных полей. Со всех сторон раздаются птичье пение, а по древесным стволам мелькают проворные полосатые белки «эрдок» (*Sciurus palmarum*)» (188, стр. 200). «Бродя среди пальм, часто встречаешь мангуст, становящихся на

дыбки и с любопытством поглядывающих вокруг, полосатых белогалопирующих в нескольких шагах впереди, хвост изогнувши дугою. Часто видишь великолепных медососов, синими искрами мелькающих в кустах, а вокруг кукуют кукушки (*Cuculus spee?*), хохочут горлиčky (*Streptopelia dougasa*) и прекрасные альционы» (188, стр. 207). «Маня к себе здешние оригинальные леса, в которых так много любопытного, в которых сказывается близость Синда и Индии и которые являются типичными выразителями резко обособленного зоологического участка Иранского плоскогорья. В них царит оживление, в них ждет меня богатая добыча... Там и здесь постукивают о древесные стволы синие дятлы, рыдают и хохочут голуби, слышатся отрывистые крики индийских франколинов и резкие возгласы индийских куропаток..., индийские сивораушки проделывают в воздухе замысловатые пируэты, блистая под лучами яркого солнца своим красивым нарядом... вдруг невдалеке от себя заметишь стремительно несущегося к ближайшей воде бенгальского варана, а близко над головой на ветви, свисшей с дерева, воровски притаившуюся древесную ящерицу (*Calotes versicolor*). В поисках за добычей быстро проходит час за часом, смеркается, смолкают дневные голоса и наступившая тишина неожиданно нарушается звонким трещанием миллионов медведок, сверчков и козодоев (*Caprimulgus mahrattensis* и *C. aegyptius*) заунывными криками индийских сычиков (*Athene brama*) и, под грохот рушающихся речных берегов, какими-то другими уже непонятными звуками ночи» (188, стр. 225).

Путь от Багу-келат до порта Чахбар, который был сделан в 11 дней, пролегал по богатой, в общем густо населенной стране. Сначала он шел равниною, затем горами. 11 марта караван поднялся на последний плоский и малозаметный перевал. «С его высоты уже видно море... Я мысленно кричу: ура! и чувствую, что улыбаюсь от счастья и радости... Итак, Иранское плоскогорье пройдено нами поперек и при том в самом широком месте» (188, стр. 245, 246).

В Чахбаре Зарудный пробыл три дня, почти все время посвятив экскурсиям по морскому побережью.

«В течение моих многолетних странствований на юг, начиная почти непрерывно от границ Пермской губернии, природа в благодарности за страстную мою любовь к ней порою дарила меня любопытными находками и возможностью наблюдать некоторые сокровенные явления в образе жизни животных. В этом отношении она не изменила мне и на берегу Индийского океана. Уже на следующий день по приезде в Чахбар мне удалось увидеть крокодила, который лежал на прибрежных скалах. «Это твоё счастье, сагиб», сказал мне проводник, когда я вернулся после того, как наперерез побежал к громадной ящерице, не мог нагнать ее в меру выстрела круглою пулею и она исчезла в кипящей волне прибоя: «это твоё счастье: прошло уже много лет с тех пор, как видели последний раз эту тварь на здешних берегах». А вот еще другая находка, для Персии случайная редкость: исполинская черепаха (*Eretmochelys imbricata*)! Свесивши свои неуклюжие толстые ноги, она лежит на отшлифованном камне и, подняв голову, точно любит небом. Близко, совсем близко подкрался к ней, раздумывая, в какое место пустить ружейный снаряд, ударил в шею и ... промахнулся: понизила пуля, хлопнулась об скользкий камень и с визгом понеслась над водою, делая по ее поверхности рикошеты. Черепаха как-бы остоленела, еще прямее подняв голову

к небу, и затем неожиданно быстро засуетилась и скрылась в воде. Бродя по банкам, я замечаю множество никогда ранее мною не виданных животных: морских ежей, медленно ворочающих своими темнофиолетовыми иглами, разнообразных морских звезд, то неподвижных как камни, то змеями извивающих свои тонкие хрупкие, при прикосновении ломающиеся на куски лучи; вижу голотурий, пропускающих фонтаны воды, всевозможных червей, которым по их красоте и оригинальности не приложимо это название; вижу великолепных разноцветных актиний и скромных губок, копошащихся каракатиц и всевозможных моллюсков, соперничающих друг с другом по красоте и разнообразию форм. В высшей степени поражается внимание чрезвычайным обилием креветок, лангуст и в особенности крабов. Что касается до крабов, то каких только нет между ними. Одни массивные, и твердые как камень, но проворные, другие в случае опасности поджимают под себя ноги и на камень совершенно не походят, третьи плоские, с такими громадными, хотя и хрупкими, как стекло клешнями, что сравнительно с ними размеры всего тела кажутся ничтожными. Величайшее множество крабов-отшельников, которые вместе с раковинами, служащими им жилищем, словно нарочно целыми кучами насыпаны на каменистых мелях; тут карабкается краб, точно зверок, поросший густою, лохматою шерстью, а рядом с ним копошится другой, весь покрытый зубцами и острыми колючками. По сырым пескам целыми стаями мчатся длинно- и высоконогие крабы, особой породы, издали похожие на больших пауков; их норами устланы песчаные берега, при чем у каждой норы взметан вырытый из нее песок в виде конуса или остроконечной башенки, иногда почти в фут высоту. В лужах и озерах, остающихся после отлива, я люблюсь диковинными, разноцветными рыбами: одни круглыми, шершавыми или колючими пузырями всплывают наверх, другие выются змеей, третьи мелькают блестящими искрами, отливают радугой, повисают в затененных частях воды странными, причудливыми силуэтами. В одном месте я застрелил трехпудовую рыбу поразительной красоты. Особенно симпатичны мелкие рыбешки, по форме тела напоминающие наших гольцов, но с толстою и короткою, как у мосек, головкою, украшенною гребешком и рожком. Одни из них черно-синие, другие с поперечными или продольными полосами. Эти рыбки отлично лазают по сырым скалам, облепленным водорослью, и ловко перепрыгивают из одной лужи в другую. При преследовании прячутся под камни или в норки, забиваясь в них задом вперед. Часто приходится видеть грациозных морских змей, главным образом в таких местах побережья, которые укрыты от прибоя» (188, стр. 251—253).

15 марта 1901 г. Зарудный двинулся назад, на север. Путь из Чахбара в селение Гэ тянулся преимущественно плоскостями то высокими, то низкими, большею частью пустынными и покрытыми невысокими кустами, да отдельными редкими деревьями. В нескольких местах пришлось преодолеть высокие и для верблюда трудные перевалы через пустынные горные цепи. Значительная часть пути лежала по водостокам, в которых развивается, как и везде в Иране, порою весьма пышная растительность. В воде недостатка не было, хотя в большинстве случаев она была дождевою — сохранилась с января — февраля. Селение Гэ, лежащее на значительной реке Кир, кроме укрепления на скале, состоит из нескольких блокгаузов и шалашей, разбро-

санных небольшими группами среди пальм. Здесь, на помощь усталым верблюдам, пришлось нанять еще четырех при трех людях. Еще до Гэ, спасаясь от раненого кабана, Зарудный ушиб себе ступню. Сначала он не придавал этому значения, но в Гэ нога сильно разболелась. «Помимо неописуемых физических мучений я испытывал сильные нравственные муки, так как не было возможности ходить на экскурсии и коллектировать. Для съемки, где это было возможно, меня относили на руках. Я начал ходить, и то на костылях, только 19 апреля, когда началось заживление обширной раны, проникавшей до костей и произведенной несколькими нарывами. «Это его бог не казал», шептали мои сеистанские белуджи и за ними повторяли Адж: «зачем он хочет все знать и водит нас на смерть». Сбор коллекций затихли. Единственным моим утешением за все это время была ночная ловля насекомых: в нескольких шагах от палатки расстилалась скатерть, ставился фонарь, и меня относили к огню, около которого я пролеживал до поздних часов» (188, стр. 278).

Дальнейший путь лежал на Бампур через место Чамп. Он пролегал горами с трудными для верблюдов перевалами (три верблюда пали по хорошо орошаемой и довольно населенной местности, и лишь на доходя Бампурской долины имелись безводные песчаные пространства).

В Бампуре, куда Зарудный прибыл 13 апреля, он прожил в гостях у Гаши-м-хана 5 дней. За это время был закуплен провиант для дальнейшего пути, наняты верблюды взамен погибших, приведена в порядок составленная Зарудным карта и изготовлены для него костыли, при помощи которых можно было делать маленькие экскурсии.

Закончив все эти дела, Зарудный 18 апреля двинулся в ур. Ляадис через сел. Фарра и Кальвандер. От Фарра экспедиция шла по руслу Руд-и-Дамин, местами безводному, и спустя неделю, перевалив пустынные горы, достигла с. Кальвандер. Как оказалось, страна между Фарра и несколько за Кальвандер на всех существовавших картах нанесена совершенно неверно. В Кальвандере путники в последний раз встретили вееролистные пальмы, столь характерные для южного Белуджистана. Дальше путь продолжался горами, почти лишенными населения, но в это время года довольно хорошо орошаемыми. Сначала путь был легкий, затем — для верблюдов тяжелый, и несколько животных пало. 11 мая, обойдя гору Кух-и-Туфтан с востока, Зарудный вышел на дорогу, пройденную им в прошлое путешествие. Отсюда он направил караван в урочище Ляадис, а сам с несколькими людьми сделал трехдневную экскурсию на гору Кух-и-Туфтан, в верхних ущельях которой лежало много снега. Пребывание на вершине горы было трудно от паров воды, серы и нашатыря, которые теперь выделялись в значительно большем количестве, чем в 1898 г.

Спустившись к подножию Кух-и-Туфтан, Зарудный узнал, что англичане хотят арестовать его караван, и поспешил на выручку в Ляадис. Здесь ему сообщили, что в день прихода каравана к нему подъехали вооруженные всадники и объявили от имени сагиба Уорр-Уоппер (англичанина, директора Нушкинской дороги), что в случае попыток обследования окрестностей, они будут стрелять. Вместе с тем они запретили жителям продавать что-либо людям русского каравана и приставили к нему караульного. Зарудный прежде всего прогнал караульного, а затем обратился к случившемуся здесь

«вождю одного разбойничьего белуджистанского племени», прося его помощи людьми и обещая взять всю вину на себя, а отобранное оружие передать ему. «Разбойник с величайшей охотой принял мое предложение, но, к сожалению, никто более не являлся» (188, стр. 365). Этот же «полувождь-полуразбойник» помог Зарудному в найме верблюдов до Сеистана и в покупке провизии.

Путь из Лядиса в Сеистан был проделан той же дорогой, что в 1898 г. В Сеистане экспедиция пробыла около месяца (конец мая, большая часть июня). За это время были произведены короткие экскурсии в Адами к восточным окраинам Нейзара и в Гязь-и-бар, а также значительная (недельная) поездка в дельту Гильменда.

К 23 июня был сформирован в Гюссейн-абаде караван из 13 верблюдов, с которым путешественники той же дорогой, что прошел Зарудный в 1898 г., прибыли 10 августа в Мешед. По пути, как и всегда, Зарудный отделялся от каравана и делал пешие боковые экскурсии. Распустив в Мешедке караван и наняв фургон в Асхабад, 14 августа Зарудный выехал в Россию.

Таким образом в это путешествие Зарудный пробыл за границей десять с половиною месяцев и сделал, не считая экскурсий от мест стоянок, около 4 300 верст.

Результаты третьего персидского путешествия выразились в составлении карты Сеистана и карты (маршрутно-глазомерной) большей части Персидского Белуджистана (до сих пор не изданы!), в поправках и дополнениях к существующим картам, в метеорологических наблюдениях (термометрических, барометрических, гипсометрических, психометрических и др.), в описании маршрута и стран, по которым он пролегал, в зоологических и ботанических коллекциях (позвоночных было собрано свыше 4 000, беспозвоночных — десятки тысяч).

Уже в апреле 1902 г. Зарудный закончил свою большую книгу «Третья экскурсия по Восточной Персии» (1916), куда, кроме общего описания путешествия, вошли метеорологические данные. Относительно птиц, кроме ряда мелких статей систематического характера, им, совместно с М. М. Гермсом, была написана большая работа «Bemerkungen über einige Vögel Persiens», из которой вышли четыре части (1912, 1913, 1923 и 1926). Все сборы, кроме птиц, оставшиеся в основном у Зарудного, поступили в Зоологический музей Академии наук и были использованы рядом специалистов. В частности А. М. Никольский, в статье «Новые виды гадов из Восточной Персии, привезенные Н. А. Зарудным в 1901 г.» (Ежегодн. Зоол. муз. Акад. наук, т. VIII, 1903, стр. 95), описал три новых вида, а Becker и Stein, в работе «Persische Dipteren von der Expedition Herrn N. Zarudny 1898 und 1901» (ibid., т. XVII, 1912, стр. 503) приводят 349 видов двукрылых (раньше из Персии их было известно всего 190 видов), из которых несколько родов и около 90 видов описываются как новые!

С сентября 1901 г. по конец августа 1903 г. Зарудный почти безвыездно прожил в Пскове. Лишь изредка наезжал он оттуда в Петербург, где обрабатывал свои сборы в Зоологическом музее Академии наук. В Петербурге же 2 сентября 1902 г. Николай Алексеевич обвенчался с Верой Александровной Зариной, с которой познакомился еще в 1900 г. в Пскове, где жила ее семья. Молодые поселились в псковской квартире Николая Алексеевича — «маленькой, уют-

ной, с коврами, цветами, чучелами птиц и живыми собаками—все это любил Николай Алексеевич» (В. А. Зарудная, in litt.). Жили они «счастливой, веселой, разнообразной жизнью» (ibid.), хотя в материальном отношении были крайне стеснены, так что Н. А. был вынужден продать разным лицам большую часть своей псковской коллекции птиц («Птицы Псковской губ.», стр. 3). Все это не мешало Николаю Алексеевичу охотиться, наблюдать птиц и трудиться в кабинете. Так весной 1903 г. им была обработана большая коллекция птиц из Семиречья, переданная в его распоряжение Б. П. Кореевым — бывшим учеником Н. А. по Псковскому корпусу (76).

Уже осенью 1903 г. Зарудный¹, оставив жену охранять свои коллекции и библиотеку, выехал в свое четвертое путешествие по Персии, на этот раз западной. Пробыл он в ней до 25 мая 1904 г. Средства на это путешествие, в размере 4 000 рублей, были отпущены военным министерством по представлению Русского географического общества. Часть своего снаряжения, как и в два предыдущих путешествия, Зарудный получил от Географического общества и лично от его вице-президента П. П. Семенова-Тянь-Шанского.

Однако, об этой большой экспедиции Зарудного почти ничего не известно, так как общее описание ее не было опубликовано и известен только маршрут (58). В общих чертах он следующий: 16 сентября 1903 г. с Бендер-и-Гязь на Каспийском побережье, экскурсии по окрестностям до 24 сентября; с 26 сентября по 4 октября г. Астрабад и экскурсии по его окрестностям; с 19 по 24 октября г. Дагман (Дамган) и его окрестности; с 25 октября по 18 ноября — переход через пустыню Дешт-и-Кевир; 18 ноября г. Наин; с 24 ноября по 13 декабря г. Исфаган и экскурсии по окрестностям; 30 декабря с. Альхоршир; 4 января 1904 г. Кут-и-Вейс; 29 января г. Магоммера; 2 февраля устье Каруна; 5 марта г. Шустер; 30 — с. Альхоршир; с 17 по 21 апреля г. Исфаган; 28 — г. Кашин; 2—3 мая г. Кум, 11 — г. Казвин; 17 — с. Манджиль, 23 — г. Решт, 25 мая 1904 г. Энзели на Каспийском море.

Таким образом, за это путешествие Зарудный пробыл за границей восемь с половиной месяцев и сделал около 4 000 верст.

Все зоологические сборы, кроме птиц, поступили в Зоологический музей Академии наук и послужили, между прочим, для следующих специальных статей: А. М. Никольский «Пресмыкающиеся и земноводные, собранные Н. А. Зарудным в Персии в 1903—1904 гг.» (Ежег. Зоол. муз. Акад. наук, т. X, 1905 г., стр. 260) — содержит 55 форм пресмыкающихся и 3 земноводных, описывается как новый ряд форм, в том числе два новых рода; А. Бирюля «Carnivora, собранные Н. А. Зарудным в Персии в 1896, 1898, 1900—1901 и 1903—1904 гг.» (ibid., т. XVII, 1912, стр. 219—280) — обработка коллекций и сводка всех данных Зарудного об иранских хищных, он же «Beiträge zur Kenntnis der Scorpionenfauna Persiens» (Изв. Акад. наук, XXIII, 1905, стр. 119—148) — обработка скорпионов последнего персидского путешествия Зарудного с описанием 3 новых видов и 1 подвида. Обширные энтомологические сборы всех поездок Зарудного, начиная с 1898 г., дали богатый материал для работ А. П. Семенова-Тянь-Шанского и некоторых других энтомологов.

¹ К этому времени относится фотография, помещенная в начале книги.